

хауца канца XVI — пачатку XVII ст. Рукапіс Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. СПб., Ф. 1. 2; Бяр. — Лексіконъ славеноросскій именъ толькованіе, Всечестнымъ отцемъ Кір Памвою Берындюю... згромаженный (Куцеін, 1653); Валх. — Аповесць аб трох каралях-валхвах канца XV ст. Рукапіс Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. СПб., Q. 1. 391, л. 39—966; ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1982—2002. Вып. 1—22; Дьяченко — Полный церковнославянский словарь. Репринт. воспроизведение изд. 1900 г. М., 1993; 36. вып. — собрание припадковъ краткое и духовнымъ особомъ потребное (Супрасль, 1722); 36. 259 — Зборнік павучэнняў сярэдзіны XVII ст. Рукапіс бібліятэкі Літоускай АН, РКФ — 259; 36. 752 — Зборнік жыццй святых другой палавіны XVII ст. Рукапіс Дзяржаўнага гістарычнага музея Расіі, 36. Сінад. 752; ИЮМ — Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1871—1906. Вып. I—XXXII; КВЗС — Книга Віцебскага земскага суда 1533—1540 гг. Рукапіс Цэнтральнага дзяржаўнага архіва старажытных актаў у Маскве. Ф. 389. Кн. 228; КГСБМ — Картацэка "Гістарычнага слоўніка беларускай мовы"; Кін. — Киновіон, или изображение евангелского іноческаго общаго житія (Еге, 1618); Пралог — Пралог XVII ст. Рукапіс Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі у Маскве. Ф. 256, № 325, л. 484—6856; Рач. — Летапіс па спісу Рачынскіх каля 1580 г. ПСРЛ. СПб., 1907. Т. XVII. С. 297—355; Скар. — "Бивлія руска" выдання Ф. Скарыны 1517—1519 гг. ДЦ — Другая книга царствау; КБ — Книга Быцця; Трыст. — Аповесць аб Трыстане каля 1580 г. // Веселовскій А.А. Из истории романа и повести. Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 1—127; Чэцця — Чэцця 1489 г. Рукапіс Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя В.І. Вярнадскага НАНУ. ДА/415 л.; ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянскі лексічэскі фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. 1974—2001. Вып. 1—28.

ЛІТАРАТУРА

- Вертков К. Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975.
 Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
 Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., 1970.
 Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы: У 2 ч. Мн., 1961. Ч. 1.

Паступілі ў рэдакцыю 06.02.2004.

Вераніка Уладзіміраўна Бандаровіч — аспірантка кафедры гісторыі беларускай мовы. Навуковы кіраўнік — кандыдат філалагічных навук, дацэнт Г.К. Ціванова.

Н.В. ПОСПЕХОВА

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ТЕКСТАХ «ВЕСТЕЙ-КУРАНТОВ» (1600—1660)

Выявляется состав лексико-семантического поля, объективирующего концепт «война» в текстах «Вестей-курантов» XVII в.; рассматриваются различные концептуальные образы войны на основе семантического анализа слов — языковых реализаций концепта.

This article deals with language representations of the concept «war» in «Vesti-kuranty» of the XVII century and semantic area research. Various conceptual images of war are considered on the basis of semantic analysis of language concepts realizations.

Каждой культуре на определенном этапе развития свойственна своя исторически и культурно обусловленная система взглядов и представлений о действительности, которая в современных гуманитарных науках получила название «картины мира».

Следует различать две «картины мира»: концептуальную (ККМ) и языковую (ЯКМ). ККМ представляет собой структурированное знание, явившееся результатом мыслительного и чувственного познания действительности, ЯКМ закрепляет их в языке. Не вдаваясь в подробности существующих разногласий в определении содержания и объема ККМ и ЯКМ, отметим, что принцип их различения достаточно четок и ясен: структурными единицами ККМ являются идеальные сущности, принадлежащие сфере сознания, — концепты, ЯКМ содержит языковые средства их выражения.

В данной статье концепт полагается как элемент ККМ — ментальная односторонняя сущность, содержащая целостное представление о том или ином фрагменте действительности, «чистый смысл». Поскольку один и тот же смысл может быть передан многими способами при помощи различных слов и выражений, следовательно, цельный концепт во всем богатстве сво-

его содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть (Попова 2002, 38). Особенно это проявляется на ранних этапах развития языка в условиях семантического синкретизма, когда смысл, выражаемый языковым знаком, мыслится не просто как совокупность значений одной лексемы, а включает в себя значения всех семантически близких слов (Колесов 2002, 174). Иначе говоря, содержание концепта в языке проявляется через все множество значений слов, составляющих лексико-семантическую парадигму. Слова же предстают в таком случае как «явления» единой многогранной «сущности».

При исследовании семантического пространства концепта в современной лингвистике используется понятие концептуальной модели – средства, с помощью которого осуществляются операции со смыслами (Михальчук 1997, 29–39). Моделирование концепта включает определение базовых компонентов семантики имени концепта и семантически близких слов, а также выявление устойчивых связей между ними.

Следует, однако, заметить, что лингвистическое моделирование концепта связано с определенными сложностями, поскольку он является единицей ментального уровня и представляет собой «чистый смысл». Смысл многогранен, но вместе с тем целостен и неделим, поэтому любая попытка «разложить» его на некоторые составляющие не дает полной объективности. Кроме того, даже самый полный семантический анализ слов – языковых реализаций концепта – не может дать исчерпывающего представления о его содержании, потому что «мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» (Попова 2002, 58).

Отметим, что реконструкция фрагментов картины мира древних эпох имеет свои особенности. Поскольку исследователь-историк лишен возможности использования экспериментальных методов концептуального анализа (ассоциативных и рецептивных экспериментов), применяемых при изучении современной КМ, единственным источником для наблюдений и выводов являются тексты письменных памятников. При этом закономерно и целесообразно введение ограничений на материал и хронологию в начале исследования. В качестве материала для данной статьи были выбраны тексты «Вестей-курантов» – памятника русской письменности XVII в., жанр которого определяется как «служебные записки Посольского приказа государю и правительству» (Сапунов 1976, 205).

Моделирование концепта «война» следует начать с определения состава семантического поля «войны», в основу которого должен быть положен глубинный семантический признак концепта, выявленный в ходе этимологических наблюдений, – ‘противодействие’. На этом основании в ЛСП «война» были включены девять лексических единиц, характеризующих различные виды противодействий и сопутствующих им явлений: *война, недружба, ссора, вражда, бой, битва, драка, брань, поле*. Кроме того, сюда должны быть отнесены слова *супротивство, несоединене, рознь, розность, нелюбе, несходство, различность*. Однако, ввиду того, что перечисленные слова встречаются лишь в ограниченном числе контекстов, отдельно они не рассматриваются.

Содержание концепта «война» наиболее полно и адекватно реализуется в слове *война*, в значении которого выделяется семантический признак ‘противодействие’, составляющий глубинную семантическую доминанту концепта. В текстах «Вестей-курантов» XVII в. конкретизация этого признака происходит по следующим направлениям:

1) вооруженная борьба (противодействие в сочетании с физическим контактом противодействующих сторон; в этом случае субъектами войны являются войска, военачальники, государственные образования): *шпанские люди хотят из арцухства Миланского на поле идти и оборонительную*

воину вести (В-К 3, 115). В данном случае война проявляется как деятельность («война-действие»);

2) отношения вражды, неприязни (противодействие без физического контакта; в этом случае в качестве субъектов войны выступают лица, наделенные государственной властью, главы государств): *нне турской салтан имеет воину с цесарем* (В-К 2, 108). В данном случае война – это, скорее, враждебное чувство, отношение («война-состояние»).

Две ипостаси войны, проявление ее как действия и как состояния были отмечены еще в XVII в. первым теоретиком и философом войны Гуго Гроцием, который писал, что общее понятие «война» «обнимает всякого рода войны». В качестве основных проявлений войны философ называл войну частную и публичную, которые имеют «общую природу» и, следовательно, «должны называться одним и тем же, свойственным им именем» (Гроций 1994, 68).

Актуализация каждого из перечисленных признаков может выступать в качестве семантической доминанты для выделения семантических групп в составе ЛСП «война». Так, актуализация «физического» компонента противодействия включает слово *война* в семантическую группу *бой, битва, брань*. Более того, обращение к истории этих слов позволило исследователям сделать предположение об их тесной генетической связи (Сарк., 40).

Компонентный анализ семантики перечисленных слов показывает, что, помимо интегрального компонента 'физическое противодействие субъектов', в их семантической структуре выявляются дифференциальные признаки, которые дают возможность отграничить один элемент группы от других. Так, *бой* – 'единичное, ограниченное во времени столкновение воюющих сторон': *после того жестакова бою которое было три часа* (В-К 2, 13).

В отличие от слова *бой* другие слова, входящие в данную семантическую группу, характеризуются меньшей частотой употребления в тексте, что обусловлено особенностями их семантики. Так, например, *брань* служит для обозначения понятия исключительно о физическом контакте воюющих сторон без указания на сопутствующие обстоятельства: *как они сошлись и меж ими бран учинилас* (В-К 1, 87). *Битва* – 'крупное сражение': *нши конные люди пошли против недругов и тутто была нарочитая битва* (В-К 1, 200). В отличие от *боя* для *битвы* не характерно указание на количество и национальную принадлежность воюющих сторон (об этом можно судить лишь исходя из контекста). В данном случае акцент ставится на самом событии и его пространственно-временной характеристике: *а у Дѣпена на море недавно битва была потому что аглинские соимы карабль на свѣиской карабль нашол на которомъ карабль свѣиской посол граф Делегарди шол* (В-К 3, 156).

К группе слов, обозначающих физические проявления войны, помимо перечисленных следует также отнести слова *драка, поле* и *кроволитье*: *а прошлого дня великая драка была меж королевскими драгуны и князя Эльбевского людми и на той драке с обнихъ сторон шесть члвкъ убило* (В-К 2, 18); *зсднь полно моршалок Яган Банир того ж дни противъ недругов поле поставил* (В-К 1, 175); *они съехались и меж ими большое кроволитье было* (В-К 4, 215).

Семантический компонент 'враждебные отношения между субъектами' является доминантным для группы лексем *война, вражда, недружба, ссора*. Слова, входящие в эту группу, относятся к сфере межличностных отношений, которая, как известно, одна из самых сложных и наименее поддающихся научному исследованию. Употребление носителями языка перечисленных слов обусловлено не знанием объективно существующих логических признаков обозначаемых ими понятий, а чувственным представлением о явлении, стоящем за языковым знаком. Как верно замечает Л.О. Черней-

ко, к таким словам вполне применимо рассуждение Аврелия Августина о времени: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» (Чернейко 1995, 74). Говоря иначе, *война* (как состояние), *недружба*, *вражда*, *ссора* относятся к числу понятий, которые интуитивно ясны, но трудно определимы.

В лексикографической практике отмеченная особенность перечисленных слов проявляется в трудности их определения: значения слов *война*, *недружба*, *вражда*, *ссора* раскрываются либо через самих себя (см., например, толкование слова *война* в СРЯ, 2, 310), либо через другие слова выделенной семантической группы (так, например, *недружба* определяется как 'вражда' (СРЯ, 11, 107; Даль, 2, 517); *вражда* – как 'ссора' (СРЯ, 3, 94), *ссора* – как 'вражда' (Даль, 4, 307)).

Толкование же каждого из перечисленных слов на основе их употребления в контексте не всегда полностью совпадает. Так, например, *недружба* предполагает длительные враждебные отношения и по этому признаку противопоставляется *ссоре* как моментальному проявлению вражды: *и короля французского з ятем ево с королем аглинским ссорил и недружбу меж ними учинил* (В-К 1, 93).

В свою очередь, *недружба*, как и *война*, может обозначать не только враждебные чувства и отношения субъектов, но и конкретное проявление этих отношений (т. е. физическое противодействие): *люди в печали ж потому что воевода Рыгеим от города с версту остров Данг... (обрыв) занял и для тог буимистры города Статина к нему посланцов послали и велѣли ему говорит такую недружбу зачинает* (В-К 1, 124). Такое толкование, однако, возможно, только если в роли субъектов противодействия оказываются войска или государства в целом. В этом случае семантические различия между словами *война* и *недружба* нейтрализуются: *парламентъ указ учинил на свѣиские карабли недружбою наступить* (В-К 5, 15). Ср.: *на короля полского и на коруну Полскую наступить воиною* (В-К 5, 110).

В отличие от *недружбы* *вражда* характеризуется отсутствием «физического» компонента, откуда следует невозможность употребления слова в потенциальном контексте *наступить враждою*. Возможность же физического проявления *вражды* как отношения «прочитывается» в следующем контексте: *а меж аглинскимъ да французскимъ сеѣ зимы великая вражда чинилас* (В-К 1, 96), где при существительном *вражда* употреблен глагол активного действия (а не *быти*, *имѣти*).

Несмотря на указанные различия, перечисленные слова имеют большую общую часть 'враждебные отношения между субъектами' или, говоря иначе, могут выражать идею противодействия без непосредственного физического контакта субъектов. Перечисленные слова, кроме того, имеют одинаковую валентную структуру: ср.: *недружба меж кем-либо / против кого-либо*, *вражда меж кем-либо*, *ссора меж кем-либо*, *межусобие меж кем-либо*. На основании отмеченных признаков слова *война*, *недружба*, *вражда*, *ссора*, *межусобие* можно рассматривать как «квазисинонимы» (Мельчук 1999, 82), семантические различия между которыми, как было показано выше, в ряде случаев могут быть нейтрализованы. Для более подробного объяснения следует обратиться к истории развития концептуальных представлений о войне.

В древнейшую эпоху враждебное отношение и вызванное им враждебное действие составляли единое целое: одно не мыслилось без другого (Феоктистова 1984, 36–37). Говоря иначе, в сознании древнего человека всякого рода отношения не существовали сами по себе без конкретного их проявления. Поэтому *война* первоначально осознается как нечто, имеющее зримое, осязаемое воплощение, как то, что «явлено» в *бою*, *битве*, *брани*.

Формирование отвлеченного понятия войны происходило путем «отвлечения», отделения собственно признака и конкретного его воплощения. Указанный процесс, происходивший, очевидно, на протяжении нескольких столетий, продолжался и в XVII в., что нашло отражение в языке «Вестей-курантов». В частности, к таким проявлениям можно отнести употребление выражений *явная война, явная недружба: меж арцыбископомъ Бременскимъ и сеѣнам нне явная недружба (В-К 2, 133); дела меж Аглинскою и Галанскоу землми нне до явнoui воины дошли (В-К 5, 71)* (т. е. явная – значит «явленная», воплощенная в конкретных действиях война).

«Отчуждение» признака означает собой качественно новый этап в развитии мышления: отвлеченный от конкретных проявлений и воплощений признак, «неявная война» представляет собой «туманное нечто» (термин А.А. Аскольдова-Алексеева), которое может быть достигнуто лишь в сравнении с подобным. Организованное таким способом мышление можно определить как «метонимическое» (Колесов 2002, 191).

Экспликация содержания формирующегося абстрактного понятия войны происходит путем сопряжения смежных по смыслу лексических единиц, при этом значение одного слова не повторяет полностью значение другого: *бывало меж обоими коруны ссоры частые и нелюбе и супротивность (В-К 3, 28)*. В некоторых случаях слово *война* употребляется лишь как одна из конкретизаций единого смыслового целого: *и скончали такъ что все неразумства і вражда і несходство і различность і несоединенье і недружба і война і розвратство которое было по се время межю ихъ величествъ и ихъ королевствъ... и тому всему быт забыту і отставлену і скончану (В-К 3, 34)*. Казалось бы, здесь очевидное противоречие: *война* выступает в качестве конкретизации самой себя. Однако в данном случае *война* мыслится в единстве своих конкретных проявлений, которые составляют часть еще полностью не оформившегося абстрактного понятия «война».

Соединение в контексте отвлеченных имен, в значении каждого из которых представлено своеобразное «уточнение» глубинной семантической доминанты концепта «война», способствовало не только повышению уровня их отвлеченности, но и «порождало возникающее в сознании взаимное их отношение» (Колесов 2002, 224). Говоря иначе, представленное здесь «нанизывание» квазисинонимов – не что иное, как дискретизация и «овеществление» смыслов, составляющих содержание формирующегося понятия. Это попытка аналитического представления «неявной войны», т. е. войны, осмысленной как социальное состояние, как отношения между воюющими субъектами.

Известно, что каждый семантический компонент слова может стать «зародышем» нового значения (Ольшанский 1996, 86). Осмысление войны как состояния враждующих сторон при факультативном наличии военных действий способствовало развитию у слова *война* переносного значения 'враждебные отношения с кем-либо' на последующих этапах развития языка. (Например, в настоящее время широко употребительны выражения типа *война между соседями (братом и сестрой, мужем и женой и под.)*.)

Проведенный анализ показал, что в «Вестях-курантах» концепт «война» реализуется в ряде лексических единиц, объединенных инвариантным семантическим компонентом 'противодействие'. Названный компонент представляет собой понятийное ядро концепта, дальнейшая конкретизация которого осуществляется по следующим направлениям: 1) война как действие (наличие физического контакта противодействующих сторон), 2) война как состояние (отсутствие / факультативность физического контакта противодействующих сторон). Каждая из мотивировок задает собственную семантическую модель войны и репрезентирует различные концептуальные образы войны, подчеркивая различные стороны явления.

Сокрацэння

В-К 1 – Вести-куранты 1600–1660 гг. М., 1975; В-К 2 – Вести-куранты 1642–1644 гг. М., 1976; В-К 3 – Вести-куранты 1645–1646, 1648 гг. М., 1980; В-К 4 – Вести-куранты 1648–1650 гг. М., 1983; В-К 5 – Вести-куранты 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996; Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991; Сарк. – Саркисян В. Этимологический словарь русского языка (внутренняя реконструкция). Ереван, 1998. Т. 1; СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–1997. Вып. 1–23.

ЛИТЕРАТУРА

- Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.
 Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.
 Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1999.
 Михальчук И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (и-е. понятие «закон») // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1997. № 4. С. 29–39.
 Ольшанский И. Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности // Филологические науки. 1996. № 5. С. 85–93.
 Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.
 Сапунов Б. В. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 200–205.
 Феоктистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л., 1984.
 Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени // Филологические науки. 1995. № 4. С. 73–83.

Поступила в редакцию 07.10.2003.

Наталья Валентиновна Поспехова – аспирантка кафедры русского языка. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е.И. Янович.

М.М. УЛАСАВА

СТЫЛІСТЫЧНАЯ АФАРБОУКА КАЛЯРОНІМАУ У АРЫГНАЛЬНЫМ І ПЕРАКЛАДНЫМ ТЭКСТАХ (на матэрыяле твораў беларускіх аўтараў і іх перакладаў на нямецкую мову)

Рассматриваются контекстуально обусловленные экспрессивно-стилистические оттенки в семантике цветообозначений. Систематизированы приемы передачи стилистической маркированности цветонимов при переводе текстов белорусских авторов на немецкий язык.

The article considers contextual conditioned expressive-stylistic tinges in semantics of color terms. The stylistic markers of color terms and the methods of their translation have been systematized when translating the texts of Belarusian authors into German.

Каляронімы у любой мове зыходна з'яўляюцца стылістычна нейтральнымі адзінкамі. Аднак, як слушна зауважае В.Р. Кульпіна, "...ва успрыманні колеру нямала азначных момантаў, і аксіялагічнасць колераабзначэння існуе у этналінгвістычна адзначанай прасторы" (Кульпіна 2001, 8), у выніку чаго у кантэксте тэрміны колеру могуць набываць выразную стылістычную афарбоўку. Стылістычны патэнцыял колераабзначэння неаднаразова прыцягвае увагу навукоўцаў. Найчасцей разгляд стылістычных асаблівасцей каляронімаў праводзіцца на матэрыяле творчасці канкрэтных пісьменнікаў у межах адной мовы (гл. Бабіч 1999, Klein 2002, Ківяцкая 2002, Разладова 2002). Актуальным накірункам таксама з'яўляецца параўнальны аналіз стылістычнай маркіраванасці каляронімаў у розных моўных сістэмах (гл. Кульпіна 2001, Люкіна 2003). У нашым даследаванні зроблена спроба правесці такі аналіз на матэрыяле генетычна адрозных беларускай і нямецкай моў. Факталагічнай базай паслужылі творы беларускіх пісьменнікаў і іх пераклады на нямецкую мову. У артыкуле словы з каларыстычным значэннем у арыгнальным і перакладным тэкстах разглядаюцца з пункту гледжання наяўнасці/адсутнасці ў іх стылютычнай афарбоўкі, яе адэкватнай перадачы і зменаў пры перакладзе.